

E. Gorb

**PARTY SYSTEM OF THE POLISH REPUBLIC IN THE PERIOD OF
PARLIAMENTARY DEMOCRACY (PROBLEM IN THE INTERWAR
HISTORIOGRAPHY)**

The researches made by the historians in the course of the twenties – the thirties of the XX century referred to the problems of the social and political life in the Polish Republic during the period of «parliamentary democracy» are being analyzed critically in the article. The historiographical analysis of the fundamental researches carried out by the Polish, German, French, British and American as well as Soviet scientists was made by the author. The researches carried out by the little-known scientists such as B. Mirkin-Guzevich, A. Tibal, R. Böll, G. Gruppın were introduced for scientific use into the national historical science.

The Polish historians were aimed to legitimize the restoration of the Polish state and to demonstrate a strong tradition of the social and political life within the Polish lands. 1926 was an important milestone in the research of the functioning of the party system in Polish Republic in the Polish historiography. After the May Coup d'État a number of the Polish historians tried to justify and idealize the activities held by Marshal Józef Piłsudski and his followers.

The Soviet scientists described the whole political party system in the Second Polish Republic as something «reactionary and class-specific». The result of such an interpretation of the socio-political situation in interwar Poland carried out by the Soviet historians was the accumulation of a huge number of historiographical myths and stamps. They are still being used by the modern Russian historians.

The Western European historians sought to critically summarize the experience of the Polish researchers in order to work out an unbiased estimate of the Polish society during the interwar period. The great attention of the Western researchers was paid to the personality of Józef Piłsudski himself, the so-called «Piłsudchiks» and the activities held by the Polish Socialist Party.

During the twenties – the thirties of the XX century the scientific approaches to the functioning of the party system in the Second Polish Republic were founded in the world history. But the historiography of the problem during this period can be characterized as extremely politicized and mythologicalized.

Keywords: *interwar historiography, historiographical myth, Second Polish Republic, political parties.*

РЕЦЕНЗЕНТИ: *Лусак В.Ф., д.і.н, проф.; Задунайський В.В., д.і.н, проф.*

УДК 903.23 (477.7)"6377"(045)

В.О. Забавин

**КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ
ПЛЕМЕН СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ**

В статье проанализирован керамический корпус срубной культуры Северного Приазовья. Рассматриваются некоторые особенности обрядово-инвентарного комплекса и вопросы культурно-хронологической периодизации погребальных памятников. Основным источником для изучения культуры, быта и хозяйства племен эпохи бронзы являются материальные останки, получаемые в ходе археологических

исследований бытовых и погребальных памятников. Корпус артефактов включает керамическую посуду, изделия из камня, кости, кремня, дерева и цветных металлов. Глиняная посуда в рамках конкретных культурно-исторических образований отличается определенным консерватизмом и выступает в качестве наиболее выразительного их внешнего признака. Изучение форм и орнаментации значительного числа срубных сосудов позволяет выявить типологические ряды, особенности и определенные закономерности изготовления погребальной посуды. Факт преобладания растительной напугтственной пищи в срубных погребениях позволяет предположить, что земледелие играло заметную роль в экономическом балансе носителей срубной культуры. Косвенно об этом также может свидетельствовать нахождение в одном из приазовских женских погребений семян. Некоторые зоны местоположения керамических сосудов относительно тела умершего можно признать для погребальной практики носителей срубной культуры Северного Приазовья «неординарными». Также следует рассматривать нахождение керамики в этих позициях в качестве признака, косвенно указывающего на принадлежность комплекса к более ранним хронологическим горизонтам. В целом, керамическая посуда претерпевала определенные качественные изменения в пространстве и во времени, проявившиеся в форме и пропорциях сосудов, составе теста, обработке поверхности и орнаментации. Орнаментальные композиции, встречающиеся на керамических сосудах из погребений срубной культуры, демонстрируют необычайную вариативность, хотя их разнообразие и достигается путем комбинирования небольшого числа относительно простых знаков.

Ключевые слова: Северное Приазовье, срубная культура, эпоха поздней бронзы, погребение, керамическая посуда.

Основным источником для изучения культуры, быта и хозяйства племен срубной культуры Северного Приазовья являются материальные останки, получаемые в ходе археологических исследований бытовых и погребальных памятников. Корпус артефактов включает керамическую посуду, изделия из камня, кости, кремня, дерева и цветных металлов. При этом, рассматривая материальную культуру по данным могильников, следует учитывать особенности формирования материального комплекса погребальных памятников, значительно отличающегося от поселенческого.

Глиняная посуда в рамках конкретных культурно-исторических образований отличается определенным консерватизмом и выступает в качестве наиболее выразительного их внешнего признака. Изучение форм и орнаментации значительного числа срубных сосудов позволяет выявить типологические ряды, особенности и определенные закономерности изготовления погребальной посуды. В последние десятилетия XX – начале XXI ст. одновременно с масштабными полевыми исследованиями проводилась большая работа по первичному учету, систематизации и классификации керамических комплексов из раскопок поселенческих и погребальных памятников срубной культуры, в том числе с применением статистико-комбинаторных методов [2; 4; 5; 18; 28; 29; 30; 41 и др.].

В основе любой археологической классификации и типологии керамических изделий лежит их морфологический анализ. До настоящего времени не существует общепризнанной методики такого анализа, многие исследователи пользуются своими субъективными критериями, причем основа для их выделения может не совпадать, даже если коллекция изучается одним исследователем. Отмечается, что подобная картина наблюдается уже в начале морфологического анализа – при изучении формы отдельного сосуда [11]. Всё это значительно затрудняет сравнение опубликованных

коллекций. Таким образом, для получения целостного представления об имеющемся керамическом комплексе срубной культуры Северного Приазовья потребуются, по сути, провести заново всю работу по классификации и типологии форм посуды на основе какой-либо единой методики, что является предметом дальнейшей работы и не входит в рамки настоящего исследования.

Основной классификационной единицей является тип, основывающийся на особенностях профилировки, при сохранении основных морфологических показателей формы. Некоторые авторы предлагают возможные множественные подтипы и варианты в предлагаемых классификационных схемах не рассматривать, так как при современном состоянии источниковой базы они не имеют выраженной хронологической или локально-территориальной нагрузки. В то же время, обобщенный подход, в рамках группы и типа, позволяет наметить общие направления развития керамического комплекса и проводить более широкие пространственные сопоставления [2, с. 90].

Керамический комплекс срубной культуры Северного Приазовья формируют несколько типов сосудов, объединяемых в группы по морфологическим показателям или функциональным признакам. Ранее уже отмечалось исследователями, что ни одна из множества существующих типологий керамики не может быть признана универсальной, что заставляет воздержаться от их применения и использовать упрощенную, но общепринятую схему [23, с. 127]. Такой общепринятой схемой может быть традиционное для срубной культуры, а также для близких или генетически связанных с нею культур выделение т.н. «керамической триады» – банок, остросеберных и круглобоких сосудов, с последующим выявлением процентного соотношения [11, с. 29]. При этом нужно учитывать, что этими тремя ведущими типами невозможно охарактеризовать все разнообразие керамики, поскольку между всеми указанными типами наблюдаются многочисленные переходные формы [23, с. 127; 53, с. 16].

В связи с различной степенью документированности привлекаемых в работе источников нами использовано более 1130 керамических сосудов с определяемой или реконструируемой формой различной степени сохранности, происходящих из курганных и грунтовых могильников Северного Приазовья (из них 84 из курганных насыпей). Из 1135 сосудов с определяемой формой 553 (48,8%) отнесены к баночным, 349 (30,7%) – к остросеберным и 233 (20,5%) – к горшковидным формам.

Керамическая посуда претерпевала определенные качественные изменения в пространстве и во времени, проявлявшиеся в форме и пропорциях сосудов, составе теста, обработке поверхности и орнаментации. Так, для наиболее ранних, покровских, захоронений Подонцовья отмечалось довольно своеобразное соотношение типов сосудов: банки – 46%, горшки – 41%, остросеберные формы – 13%. При традиционно высоком проценте банок обращает на себя внимание значительное количество горшечных форм и относительно редкая встречаемость остросеберной посуды. На развитом и позднем этапе срубной культуры Подонцовья отмечается соотношение керамических форм в погребениях в целом близкое общестатистическому, хотя наблюдаются и некоторые особенности, в частности, значительная доля остросеберных форм (31%) для развитого этапа [23, с. 128]. В приазовских погребениях по сравнению с Кряжем относительно редки сосуды остросеберных форм (около 15%), которые в погребальных комплексах более восточных и северо-восточных регионов встречаются значительно чаще. Например, на Северском Донце этот показатель составил 26%, а в Нижнем Подонье – 22% [24, с. 11; 55, с. 152, 157]. На это обстоятельство ранее уже обращалось внимание исследователей [27, с. 100].

Основная часть керамического комплекса I хронологического горизонта курганных могильников Северо-Восточного Приазовья включает уже сформированные типы острореберной, горшковидной и баночной посуды. Однако, кроме них выделяется серия сосудов, имеющих в форме, орнаменте и технологии изготовления некоторые архаические черты, как правило, единичные, восходящие к покровским традициям. Среди них можно назвать колоколовидность формы, наличие внутреннего ребра уступа на венчике, проглаженные желобки на шейке, орнаментация среза или внутренней поверхности венчика, характерные расчесы поверхности, некоторые композиции декора. В способах нанесения орнамента преобладают зубчатый штамп, перевитый и простой шнур [26, с. 14].

Анализ формы керамических сосудов из «престижных» могил Подонья показывает, что такая массовая форма, как «подкололовидная» с резко отогнутым венчиком, образующим ребро на внутренней поверхности, очень близка формам сосудов из покровских памятников Нижнего Поволжья [40, с. 166]. Для керамического комплекса этого горизонта характерны сосуды удлиненных пропорций с высоко поднятыми плечиками [54, с. 63], а также отсутствие закраин у дна [23, с. 128]. К архаическим особенностям, восходящим к покровским традициям, также следует отнести частую орнаментацию сосудов баночных форм (кресты, ромбы, вдавления полый палочки, желобки, наклонные линии и т.д.), а также обработку поверхности крупнозубчатым штампом [41, с. 276].

В керамическом комплексе II хронологического горизонта курганных могильников Северо-Восточного Приазовья наблюдаются некоторые изменения по сравнению с предшествующим периодом. Покровские элементы уже не прослеживаются. Появляется значительное количество неорнаментированных острореберных сосудов и близких им форм. В их декоре широкое распространение получают такие мотивы, как меандр, треугольный паркет, сложные горизонтальные композиции и т.д. Зубчатый штамп и перевернутый шнур в технике декора почти исчезают. Изредка встречается паркетная обработка поверхности мелкозубчатым штампом. Именно в это время появляется, но пока не получает широкого распространения орнаментация посуды валиком под краем венчика. Для части баночной посуды характерны профилированные формы со слабо выделенной шейкой и отогнутым венчиком [26, с. 15]. Именно наличие овальных в разрезе валиков признается чертой, характерной для этого периода, отличающей его от предыдущего [54, с. 65].

Керамическая серия III хронологического горизонта развивается в направлении постепенного огрубления, исчезновения и переработки классических срубных форм, упрощения орнаментации и появления некоторых новаций. Острореберные типы почти исчезают, а оставшиеся характеризуются сглаженностью ребра, отсутствием или бедностью декора. Классические банки уступают место различным слабопрофилированным типам. Встречаются горшковидные круглобокие формы. Обработка поверхности мелкозубчатым штампом исчезает. Довольно часто встречается псевдолощение внешней поверхности посуды. В качестве поздней орнаментации керамики выделяются композиции из треугольников вершинами вниз, треугольников без основания, простых одинарных зигзагов, горизонтальной «лесенки», различных вдавлений по плечу и краю венчика. Отмечается увеличение доли валиковой орнаментации, несмотря на общую ее малочисленность по сравнению, например, со Степным Поднепровьем и Предстепьем [26, с. 17].

Картографирование комплексов срубной культуры Северного Приазовья (рис. 1), содержащих керамические формы с валиковой орнаментацией, позволило нам наглядно

(учитывая неравномерность насыщенности изучаемого региона исследованными памятниками) подтвердить намеченную ранее тенденцию увеличения удельного веса валиковой керамики в срубных могильниках при движении в юго-западном и западном направлениях [23, с. 132], что может свидетельствовать об усилении сабатиновского влияния. Это обстоятельство подтверждается следующими данными: на Северском Донце сосуды с валиком составляют 2,8% керамической серии, в Приазовье – 5,5%, в Степном Поднепровье – 10,8% [27, с. 100].

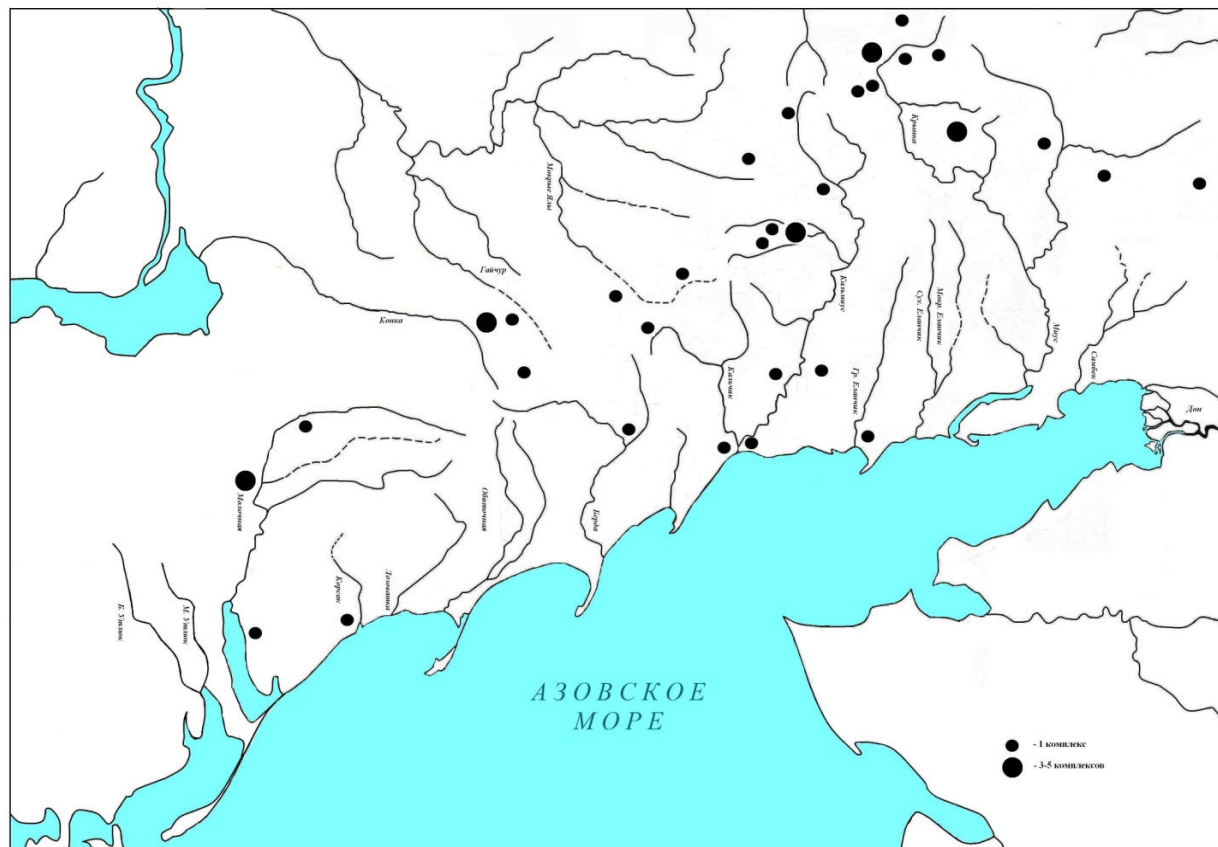

Рис. 1. Карта распространения керамики с валиковым орнаментом.

Отдельного внимания заслуживают орнаментальные композиции, встречающиеся на керамических сосудах из погребений срубной культуры, которые демонстрируют необычайную вариативность, хотя их разнообразие и достигается путем комбинирования небольшого числа относительно простых знаков (зигзага, валика, ряда вдавлений, фриза треугольников, крестов, ромбов и т.д.) [50].

Не одно десятилетие продолжается изучение орнамента срубной керамики. Данной теме посвящен целый ряд публикаций, в том числе монографического характера. При этом исследователями затрагиваются различные аспекты проблематики. Орнамент рассматривается не только с целью разработки классификации орнаментальных композиций, изучения культурогенеза и культурных связей, а также установления узкой хронологии памятников.

На территории исследуемого региона первые находки сосудов с «пиктограммами» и соляными знаками связаны с именем В.А. Городцова, которым в результате археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 году было обнаружено в погребениях срубной культуры несколько горшков с

«загадочными» значками в виде крестов прямых и косых, упрощенных изображений свастик. В.А. Городцов интерпретировал их как знаки неизвестной письменности и указал, что имеется еще ряд подобных сосудов [12, с. 242-244, рис. 52-57, табл. XIII, 1]. Первой дешифровщицей «загадочного» орнамента стала в 1928 г. Е.Н. Басова, которая отметила местное происхождение сосудов, украшенных вереницей прочерченных ассиметричных знаков, и предложила, что орнамент представлял собой значки-письмена [17, с. 104]. Впоследствии к так называемым «срубным письменам» исследователи обращались неоднократно, пытаясь определить их место в системе культурно-исторических ценностей эпохи раннего металла [8; 44; 45, с. 56-57; 33; 46]. В том числе В.К. Кульбакой было высказано предположение о том, что подобные пиктограммы могут быть основой древнейшей индоарийской письменности. В результате проведенного сравнительного анализа санскритской письменности и знаков, изображенных на одном из срубных сосудов, автор предпринял попытку дешифровки текста и пришел к выводу о том, что надпись выполнена «найдавнішою в світі прасанскритською пісемністю» [22, с. 49-50, рис. 21].

Зачастую орнамент выступает в качестве источника для реконструкции религиозно-мифологических представлений носителей срубной культуры [10, с. 118-120; 16; 19; 34, с. 9, 14-15; 36; 42; 52 и др.]. Изображения на сосудах срубной культуры анализируются и в связи с изучением рациональных знаний древнего населения степи. В частности, внимание исследователей привлекают орнаментальные композиции, которые многими авторами трактуются как календарные [1; 3 и др.]. В том числе орнамент на сосудах рассматривается в качестве средства передачи идеи временного интервала или календаря, которым можно пользоваться в повседневной практике [39; 43]. Некоторые авторы допускают даже вероятность того, что срубный орнамент отображает познания в области астрономии [20].

Еще один аспект, который привлек специальное внимание исследователей, – это связь орнамента сосудов из погребений с социальной позицией умерших, их полом и возрастом [51]. До этого в основном рассматривались такие изображения, которые могут быть трактованы как сюжетные рисунки, пиктограммы, «календари» или «письмена». При этом сосуды с изображением мифологических сюжетов, находящиеся в могилах, рассматривались в качестве критерия выделения жреческих погребений [9, с. 195; 10, с. 120-121; 21, с. 121; 35, с. 26, 28; 48, с. 227 и др.]. В результате детального анализа орнаментальных композиций, выполненных на сосудах из погребений западного ареала срубной общности, В.В. Цимиданову удалось проследить связь некоторых композиций с определенным полом, возрастом, статусом и рангом погребенных [51, с. 128].

Из 1500 привлекаемых для анализа погребений срубной культуры Северного Приазовья 290 (19,3%) не имели никакого сопроводительного инвентаря. Однако из них 57 были разрушены либо были зафиксированы ненадлежащим образом (в основном это касается памятников, исследованных в конце XIX – начале XX вв.), поэтому не имеется оснований уверенно говорить об их безынвентарном характере. Таким образом, количество достоверно безынвентарных погребений уменьшается до 233 (15,5%), что несколько ниже данных, приведенных для Степного Поднепровья (22,3%) [32, с. 118] и намного выше аналогичных показателей для бассейна Северского Донца (5%) [23, с. 118].

Одним из основных критериев культурной атрибуции памятников эпохи бронзы является керамическая посуда – наиболее массовый материал в инвентаре погребений срубной культуры. В Северном Приазовье керамика была встречена в 1194 погребениях (82,7% всех неразрушенных могил). По одному сосуду содержали 1055

погребений (88,4%), по два – 126 (10,6%), по три – 9 (0,75%), по чотири – 4 (0,25%). При этом из 126 погребений с двумя сосудами 10 были парными, что соответственно уменьшает до 9,7% число могил с двумя сосудами на каждого умершего. В одном случае (Розовка 1/1-2) можно говорить о пяти сосудах, которые приходились на одного умершего. Здесь, помимо трех сосудов, содержащихся в погребении 1, было зафиксировано еще два в ритуальной яме, сопровождающей это захоронение. Одновременность их совершения подтверждается находкой фрагментов одного сосуда в обоих погребениях [38, с. 126].

В размещении керамических сосудов по отношению к могиле, а также в самой могиле по отношению к останкам умершего отмечается определенная вариабельность. Так, в 23 случаях (1,9%) было зафиксировано помещение сосудов на перекрытие могилы. В двух случаях на перекрытии находилось по два сосуда. Примечательно, что в 15 случаях сосуды имелись как на перекрытии, так и в самой могиле. В восьми случаях отмечено нахождение керамики исключительно на перекрытии безынвентарного погребения. Кроме нахождения сосудов в сопроводительных ритуальных ямах и на могильном перекрытии также можно говорить о размещении керамики на древнем горизонте в непосредственной близости с захоронением. Однако говорить здесь о каких-то цифрах не представляется возможным, так как далеко не всегда найденные в насыпи сосуды могут быть соотнесены с каким-либо определенным погребением.

Различным было местоположение сосудов и внутри самой могилы. Исследователями выделяется четыре основные зоны размещения керамики: «в головах», перед погребенным, за ним, а также «в ногах». При этом в каждой зоне выделяется несколько позиций, которые, в свою очередь, имеют несколько вариантов. Так, например, в положении сосуда «перед погребенным» выделяется пять основных позиций, три из которых имеют свои варианты [37, с. 163]. Нами, вслед за Р.А. Литвиненко, было выделено пять основных зон местоположения керамических сосудов относительно тела умершего: 1) перед головой (лицом) и грудью; 2) у живота; 3) перед ногами ниже колен; 4) за головой и спиной до таза; 5) за тазом и ногами (рис. 2).

В комплексах, содержащих один сосуд внутри могильного сооружения (774 погребения с возможностью зонирования), в 650 случаях (84%) он размещался в I зоне, в 20 (2,6%) – во II зоне, в 23 (2,9%) – в III зоне, в 75 (10,1%) – в IV зоне и в 6 случаях (0,8%) – в V зоне. Наиболее характерной для размещения керамики в приазовских срубных погребениях оказалась I зона – перед грудью и лицом. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев кремаций сосуд тяготел к юго-восточному углу могильного сооружения, то есть, учитывая преобладающую восточную ориентировку и левобочное положение умерших, также располагался в зоне I.

В комплексах, содержащих два сосуда (72 погребения с возможностью зонирования), керамика могла располагаться в одной зоне вместе (64% случаев) либо раздельно (36% случаев). Здесь следует заметить, что Ю.Б. Полидовичем при проведении аналогичных подсчетов для комплексов, происходящих с территории Юго-Восточной Украины, была прослежена противоположная тенденция (соответственно 40% и 60%) [37, с. 165]. В погребениях, где сосуды располагались вместе, в подавляющем большинстве случаев (89%) они находились в зоне I – около головы или перед грудью. В четырех случаях сосуды совместно располагались в зоне IV (за головой) и один раз – в зоне III (у колен). Если же сосуды располагались раздельно (26 случаев), то чаще всего они находились перед покойником – в зонах I и III (9 случаев) либо I и II (2 случая). В 10 комплексах сосуды находились с противоположных сторон «в головах» (зоны I и IV), в 3 комплексах – перед лицом и за ногами (зоны I и V), по

одному разу – за спиной (зоны V и IV) и у затылка и у колен (зоны III и V). В комплексах, содержащих три или четыре сосуда, керамика могла размещаться в различных позициях и сочетаниях, но всегда один или два сосуда находились перед лицом погребенного.

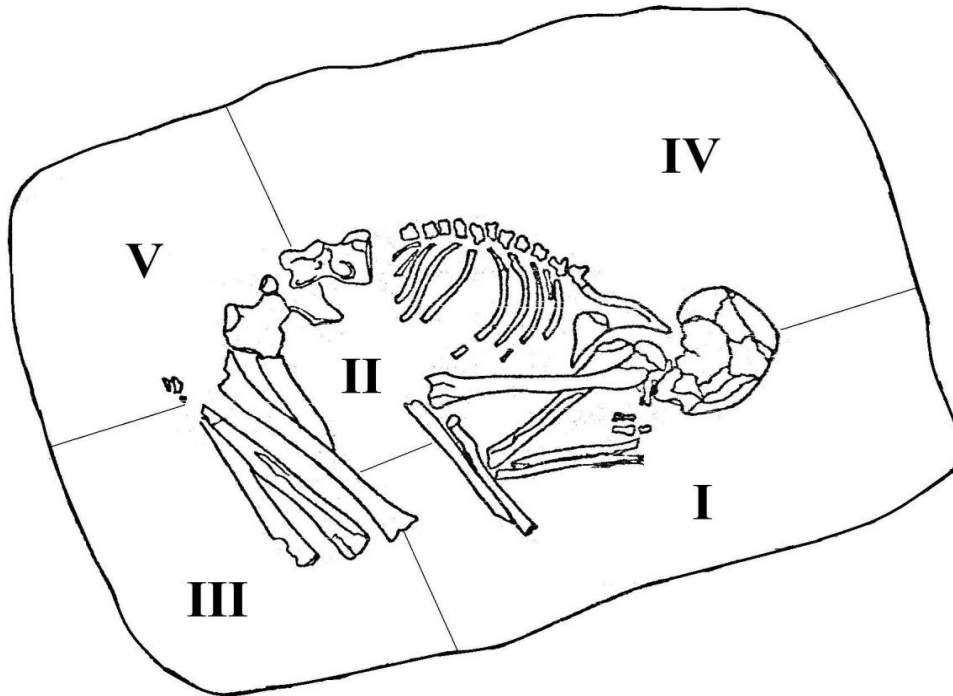

Рис. 2. Схема зонирования погребения при определении тенденций в размещении керамики.

Закономерности в тяготении того либо иного типа сосудов к определенной зоне практически не прослеживается, так как в каждой из отмеченных зон мог быть установлен сосуд любого типа (баночный, острореберный или горшковидный). Можно предположить, что в погребении сосуд устанавливался с учетом привязки к той или иной части тела погребенного. По-видимому, наиболее значимой в этом отношении являлась верхняя часть тела (голова, лицо, руки и грудь) [37, с. 165]. Таким образом, выделяется как минимум два аспекта, связанные с ролью керамических сосудов в погребальном ритуале срубной общности. Первый – использование их в качестве вместилища ритуальной пищи (ритуальных составов/веществ). Второй – «привязанность» сосуда к определенным частям тела погребенного либо к определенным местам в погребальной конструкции и его пространственная ориентация [37, с. 171].

Ранее уже отмечалось, что в курганах Северного Приазовья в отличие от региона Северского Донца комплексы с покровскими пережитками стратиграфически не выделяются в отдельный горизонт, что может свидетельствовать о сравнительно позднем появлении срубной культуры в Приазовье [26, с. 14]. Несмотря на это обстоятельство, следует обратить внимание на отмеченные исследователями определенные отличия в размещении сосудов в покровских погребениях [31, с. 157; 23, с. 119-120]. Решающую роль при выделении комплексов покровского типа на

Северском Донце сыграла керамика. Размещение сосудов в могилах этой культурной группы отличается от классических срубных погребений. В покровских захоронениях сосуды, главным образом горшки и банки, часто стояли за головой, спиной, у живота и у ног умершего [25, с. 73].

Одной из целей, которую преследует совершение погребального обряда, является обеспечение переправы умершего в царство мертвых. В последние годы исследователи проявляют все больший интерес к проблеме реконструкции заупокойной пищи в погребениях, в том числе находившейся в глиняных сосудах в курганных захоронениях различных археологических эпох. В этой связи будет интересным привести некоторые данные, полученные с применением комплексного подхода в изучении придонного грунта из сосудов, происходящих из захоронений срубной культуры.

С использованием фитолитного анализа, химико-аналитических и микробиологических методов, применяемых в исследовании почв, была проведена реконструкция состава погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений степной зоны юга России. Она базируется на определении содержания подвижных соединений фосфора и трофической структуры микробных сообществ в придонном грунте из сосудов и контрольных образцах [6; 7; 14; 15 и др.].

Согласно данному алгоритму исследований авторами была проведена реконструкция содержимого сосудов из 29 захоронений носителей срубной культуры волго-донских степей (могильник Неткачево-1 в Волгоградской области). В общей сложности был выполнен фосфатный и фитолитный анализ грунтов из 47 сосудов. Установлено, что в 16 сосудах находилась вода, в 10 – растительный продукт, в 18 – мясомолочный продукт. В результате проведенного сравнительного анализа расположения сосудов с ритуальной пищей относительно тела погребенного были выявлены некоторые половозрастные закономерности встречаемости различных продуктов. Выявлено, что в детских погребениях с двумя сосудами в половине случаев в обеих емкостях находилась вода, а в половине случаев – в одном сосуде был мясомолочный продукт, в другом – каша. Прослеживается довольно тесная корреляция типа сосудов с их исходным содержимым. Так, в частности, растительный продукт (каша) помещался всегда в маленькие неорнаментированные горшочки и встречался только перед руками погребенного. Мясомолочный продукт в большинстве случаев находился в крупных, хорошо орнаментированных банках [7, с. 100].

Изучение нескольких десятков горшков из погребений срубной культуры (XVI-XV вв. до н.э.) позволило выявить связь их содержимого с формой, качеством изготовления и художественным оформлением (рис. 3). Типологически все исследованные сосуды разделяются на три группы. К первой относятся грубо изготовленные горшки сравнительно небольшого размера. По данным фосфатного анализа, в них находился растительный продукт (скорее всего каша). Другая группа представлена более качественно изготовленными горшками правильной формы. Их содержимым являлась вода. И, наконец, к третьей группе относятся наиболее качественные горшки с различной орнаментацией в верхней части тулова. В них находились мясной или молочный продукты [15, с. 153].

Близкие данные были получены и при реконструкции погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений срубной культуры могильника Перекопка в Волгоградской области. Всего изучено 18 сосудов, типологически они представлены горшками (острореберные, с плечиками – 7 шт.) и банками (11 шт.). У головы умерших находилось 10 сосудов, в ногах – два, по одному – у груди и за спиной. Один сосуд располагался на перекрытии могильной ямы, в трех случаях местоположение горшков по отношению к костякам определить не удалось. Согласно полученным

аналитическим данным, в 11 сосудах была вода (61%), в 5 – мясной бульон (28%) и в 2 – каша (11%). Подтвердилась выявленная ранее закономерность о доминировании воды в сосудах из курганных захоронений срубной культуры. Для воды тип сосуда, вероятно, не был определяющим, поскольку она обнаружена как в горшках (45% случаев), так и в банках (55%). Бульон же в 80% случаев находился в банках. Растительная пища была в горшке и в банке. Интересно отметить, что в захоронении с кремацией в обоих горшках находилась вода. В другом погребении у головы умершего был горшок с водой, а в ногах – банка с мясным бульоном. У головы умерших находилось 10 сосудов, причем 5 из них (50%) были с водой, 3 – с бульоном (30%) и 2 – с кашей (20%) [15, с. 152].

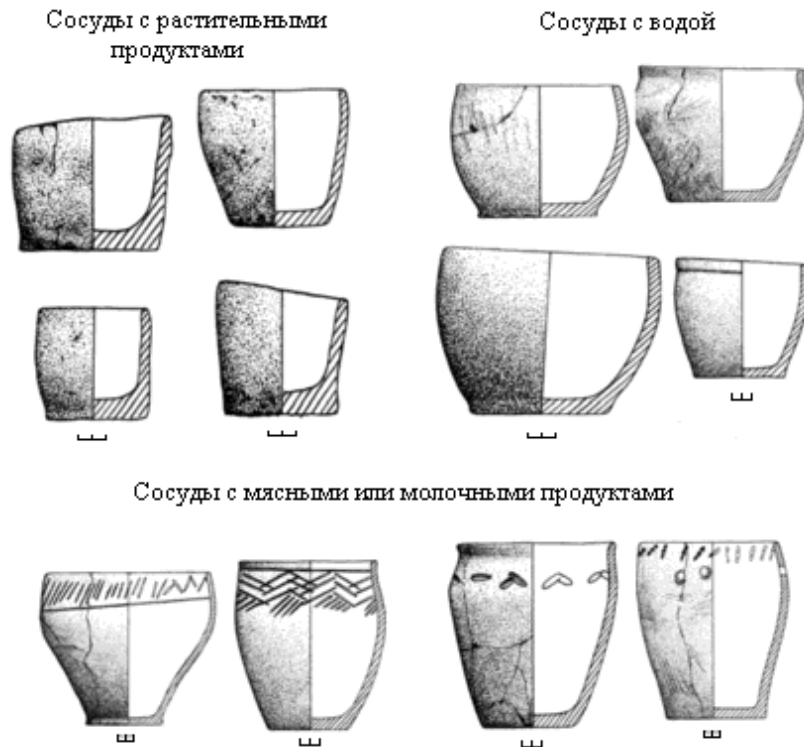

Рис. 3. Встречаемость погребальной пищи в различных типах глиняных сосудов. Курганный могильник Неткачево (по В.А. Демкину).

Химический анализ содержимого посуды из срубных захоронений Нижнего Поволжья показал, что около 70% проанализированных сосудов содержали «кашу» [14, с. 47-48]. Если растительная пища и напитки, судя по присутствию глиняных сосудов, встречаются в срубных захоронениях довольно часто, то мясной пищей дело обстоит несколько иначе. Мясная пища, фиксируемая по присутствию в комплексах костей животных, также широко использовалась в погребальной практике носителей срубной культуры Северного Приазовья. По нашим данным, в 7% приазовских погребений присутствовали кости животных, которые можно трактовать как остатки напутственной пищи, что в целом соответствует аналогичным показателям, полученным В.В. Цимидановым для различных регионов Украины [47, с. 201, табл. 1]. В ряде случаев кости животных тяготели к погребальной посуде, но остатки мясной пищи непосредственно в сосуде были зафиксированы лишь в трех случаях (в том числе один раз кости мелкого животного находились непосредственно на фрагменте керамики). Еще в двух случаях кости располагались непосредственно на деревянном блюде или в сосуде. Поскольку ни кости животных в целом, ни остатки какой-либо

части туши не соотносятся жестко с конкретными социальными группами, поэтому правомерно считать наличие костей животных в могиле знаком повышенного ранга [49, с. 49-50].

Таким образом, факт преобладания растительной напутственной пищи в срубных погребениях позволяет предположить, что земледелие играло заметную роль в экономическом балансе носителей срубной культуры. Косвенно об этом также может свидетельствовать нахождение в одном из приазовских женских погребений семян [13].

Выделенные зоны местоположения керамических сосудов относительно тела умершего II-V можно признать для погребальной практики носителей срубной культуры Северного Приазовья «неординарными». Также следует рассматривать нахождение керамики в этих позициях в качестве признака, косвенно указывающего на принадлежность комплекса к более ранним хронологическим горизонтам.

В целом, керамическая посуда претерпевала определенные качественные изменения в пространстве и во времени, проявившиеся в форме и пропорциях сосудов, составе теста, обработке поверхности и орнаментации. Орнаментальные композиции, встречающиеся на керамических сосудах из погребений срубной культуры, демонстрируют необычайную вариативность, хотя их разнообразие и достигается путем комбинирования небольшого числа относительно простых знаков (зигзага, валика, ряда вдавлений, фриза треугольников, крестов, ромбов и т.д.).

Список использованной литературы

1. Андриенко В. П. О семантике орнамента сосуда из Владимировки / В. П. Андриенко // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы : тез. докл. конф. – Донецк, 1979. – С. 70.
2. Берестнев С. И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С. И. Берестнев. – Харьков : ПФ Амет, 2001. – 264 с.
3. Беседин В. И. Числа в орнаментации керамики срубной культуры / В. И. Беседин, И. Е. Сафонов // Российская археология. – 1996. – № 2. – С. 22-23.
4. Бобринский А. А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок / А. А. Бобринский // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев : Изд-во Куйбышевского гос. ун-та, 1986. – С. 137-157.
5. Бобринский А. А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды / А. А. Бобринский // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев : Изд-во Куйбышевского гос. ун-та, 1988. – С. 5-21.
6. Борисов А. В. Реконструкция содержимого глиняных сосудов из курганных погребений срубной культуры / А. В. Борисов, В. А. Демкин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – С. 356-358.
7. Борисов А. В. Реконструкция пищи в керамических сосудах из курганных погребений / А. В. Борисов, В. А. Демкин, А. А. Бобров // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2005. – С. 99-101.
8. Буров Г. М. Система знаков на керамике срубной историко-культурной общности: опыт интерпретации / Г. М. Буров // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье, 1997. – Т. VI. – С. 48-64.
9. Галкин Л. Л. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья / Л. Л. Галкин // Советская археология. – 1977. – № 3. – С. 189-196.
10. Горбов В. Н. Дружковский могильник и некоторые вопросы мировоззрения срубных племен / В. Н. Горбов, А. Н. Усачук // Археологический альманах. – Донецк : Донбасс, 1993. – № 2. – С. 115-131.

11. Горбов В. Н. О наименовании частей сосудов позднего бронзового века / В. Н. Горбов // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона. – Киев - Воронеж, 2001. – С. 29-32.
12. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903г. / В. А. Городцов // Труды XIII Археологического съезда. – М., 1907. – Т. I. – С. 211-285.
13. Граков Б. Н. Отчет Скифской степной экспедиции ИИМК об археологических раскопках и разведках 1951 г. – Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України. – Ф.е. – № 1951/19.
14. Демкин В. А. Некоторые аспекты палеопочвенного изучения памятников археологии / В. А. Демкин, А. В. Лукашев, И. С. Ковалевская // Российская археология. – 1992. – № 4. – С. 43-49.
15. Демкин В. А. Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений с использованием фосфатного и микробиологических методов / В. А. Демкин, Т. С. Демкина, С. Н. Удальцов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 2. – С. 148-159.
16. Захарова Е. Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы / Е. Ю. Захарова. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 2000. – 163 с.
17. Ильюков Л. С. Курганы Миусского полуострова / Л. С. Ильюков, Л. М. Казакова. – Ростов : Изд-во Ростовского ун-та, 1988. – 168 с.
18. Кочерженко О. В. Опыт использования кластерного анализа при классификации форм керамики срубных погребений Нижневолжского правобережья (пограничье степи и лесостепи) / О. В. Кочерженко, Н. М. Малов, В. Н. Слонов // Археологические вести. – Саратов, 1993. – Вып. 1
19. Кочерженко О. В. О семантике орнамента керамики срубной культуры / О. В. Кочерженко, В. Н. Слонов // Российская археология. – 1993. – № 3. – С. 37-42.
20. Кудлай Ю. В. Зоряна піктограма бронзового віку Донбасу / Ю. В. Кудлай // Наше небо. – 1999. – № 2. – С. 24-27.
21. Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных / Е. Е. Кузьмина // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М. : Наука, 1981. – С. 101-125.
22. Кульбака В. Соматичні культи бронзового віку півдня Східної Європи / В. Кульбака, В. Качур. – Маріуполь, 1998. – 60 с.
23. Литвиненко Р. А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников) : дис. ... канд. ист. наук; спец. 07.00.04 «Археология» / Роман Александрович Литвиненко; Национальная академия наук Украины. Институт археологии. – К., 1994. – Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 750. – 345 с.
24. Литвиненко Р. О. Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : спец. 07.00.04 «Археологія» / Роман Олександрович Литвиненко; Інститут археології НАН України. – Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук. – К., 1994. – 21 с.
25. Литвиненко Р. А. Памятники покровского типа на Северском Донце / Р. А. Литвиненко // Археологические вести. – СПб., 1995. – № 4. – С. 73-82.
26. Литвиненко Р. А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р. А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.

27. Литвиненко Р. А. К истории исследования курганных могильников в окрестностях Каменных Могил / Р. А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 98-101.
28. Лопатин В. А. Опыт статистического анализа керамики срубных поселений степной левобережной зоны Нижнего Поволжья / В. А. Лопатин // Вопросы отечественной и всеобщей истории. – Саратов, 1987. – С. 128-137.
29. Лопатин В. А. Классификация керамики Преображенского поселения / В. А. Лопатин // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов, 1991. – Вып. 2. – С. 42-52.
30. Лопатин В. А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.) / В. А. Лопатин. – Саратов, 2010. – 244 с.
31. Мыськов Е. П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья / Е. П. Мыськов // Советская археология. – 1991. – №4. – С. 145-163.
32. Отрощенко В. В. Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников) : дис. ... канд. ист. наук / Віталій Васильович Отрощенко. – К., 1981. – Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук. – Ф. 12. – Оп. 1. – № 598. – 329 с.
33. Отрощенко В. В. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла / В. В. Отрощенко, А. А. Формозов // Studia Praehistorika. – Sofia, 1988. – Т. 9. – С. 141-178.
34. Отрощенко В. В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) / В. В. Отрощенко // Обряды и верования древнего населения Украины. – К. : Наукова думка, 1990. – С. 5-17.
35. Отрощенко В. В. «Жреческие» комплексы в системе погребений срубной общности / В. В. Отрощенко // Археологічні та історичні дослідження Херсонщини. – Херсон, 1993. – С. 17-31.
36. Отрощенко В. В. Сюжет перевтілення у знаковій системі племен зрубної спільноти / В. В. Отрощенко // Археологический альманах. – Донецк : Донбасс, 1998. – № 7. – С. 93-98.
37. Полидович Ю. Б. О размещении керамических сосудов в срубных погребениях / Ю. Б. Полидович // Археологический альманах. – Донецк : Донбасс, 1997. – № 6. – С. 163-172.
38. Самар В. А. Курган Срубного времени из Приазовья / В. А. Самар // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье, 1991. – Вып. II. – С. 125-136.
39. Сафонов И. Е. «Священные» числа и восприятие времени в абашевском и срубном мире / И. Е. Сафонов // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи : тез. докл. и матер. конф. – Воронеж, 1996. – С. 63-66.
40. Семенова А. П. Погребальные памятники срубной культуры / А. П. Семенова // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000. – С. 152-209.
41. Семенова А. П. Основные тенденции развития керамики покровского и развитого этапов срубной культуры лесостепного Поволжья (по данным погребальных памятников) / А. П. Семенова // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : матер. междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара : НТЦ, 2001. – С. 273-279.

42. Сергеева М. С. Об одном типе изображений на срубной керамике / М. С. Сергеева // Древности. – Харьков, 2004. – С. 22-27.
43. Супруненко О. Б. Горщик з календарним орнаментом у зрубному комплексі в Пооріллі / О. Б. Супруненко // Етнічна історія та культура населення Степу та Лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя) : матер. міжнар. археол. конф. – Дніпропетровськ, 1999. – С. 88-91.
44. Татаринев С. И. Новые сосуды эпохи бронзы со знаками (Донбасс) / С. И. Татаринев // Советская археология. – 1981. – №4. – С. 250-253.
45. Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы / Г. Ф. Турчанинов. – Л., 1971. – 92 с.
46. Формозов А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками / А. А. Формозов // Вестник древней истории. – 1953. – № 1. – С. 193-200.
47. Цимиданов В. В. Мясная пища в погребениях срубной общности как проявление дифференциации культуры (по материалам Украины) / В. В. Цимиданов // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск : Изд-во ВУГУ, 1996. – С. 198-213.
48. Цимиданов В. В. Астргалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа / В. В. Цимиданов // Археологический альманах. – Донецк : Донбасс, 2001. – № 10. – С. 215-248.
49. Цимиданов В. В. Социальная структура срубного общества / В. В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204 с.
50. Цимиданов В. В. «Азбука» орнамента срубной культуры / В. В. Цимиданов // Літопис Донбасу. – Донецьк : Донбас, 2004. – № 12. – С. 30-36.
51. Цимиданов В. В. Орнаментация керамики срубной культуры: социальный и поло-возрастной аспект / В. В. Цимиданов // Археологический альманах. – Донецк : Донбасс, 2010. – № 25. – С. 120-139.
52. Цимиданов В. В. Орнамент с «ресничками» на погребальной керамике срубной культуры / В. В. Цимиданов // Донецький археологічний збірник. – 2011. – № 15. – С. 48-77.
53. Чередниченко Н. Н. История срубных племен Подонья (XV-IX вв. до н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Николай Николаевич Чередниченко. – К., 1973. – 36 с.
54. Чередниченко Н. Н. Срубная культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины / С. С. Березанская, В. В. Отрощенко, Н. Н. Чередниченко, И. Н. Шарафутдинова. – К. : Наук. Думка, 1986. – С. 44-82.
55. Шарафутдинова Э. С. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья / Э. С. Шарафутдинова // Срубная культурно-историческая общность. – Куйбышев, 1985. – С. 146-183.

Стаття надійшла до редакції 25.10.2014 р.

V. Zabavin

CERAMIC VESSELS IN A FUNERAL RITE OF TIMBER-GRAVE CULTURE OF NORTHERN AZOV

The article analyzes the ceramic vessels of Timber-Grave culture of Northern Azov (Late Bronze Age). Some peculiarities of ritual-inventory complex and issues of cultural and chronological periodisation of burial monuments are examined. The main source for the study of culture, life and economy of the tribes of the Bronze Age are the material remains, obtained during archaeological investigations of domestic settlements and funerary monuments. Corpus of artifacts include pottery, stone, bone, flint, wood and non-ferrous metals. Ceramic vessels within specific cultural and historical formations are differ conservatism. Pottery stands as the most expressive of their external features. The study of ornamentation and forms of a significant number of vessels of Timber-Grave culture allows

revealing typological series, features and certain patterns of manufacturing funerary ware. The predominance of plant memorial food in the burials suggests that agriculture played a significant role in the economic balance of the tribes of Timber-Grave culture of Northern Azov. Indirectly, being in one of the female burials of Timber-Grave culture of Northern Azov of some seeds can also testify about it. Some positions the location of ceramic vessels relative to the body of the deceased can be considered «extraordinary» for the burial practices of tribes of Timber-Grave culture of Northern Azov. It should also to consider the presence of ceramic vessels in these positions as a feature, indirectly indicating the belonging of the complex to the earlier chronological horizons. In general, ceramic pottery has undergone some qualitative changes in space and time. These changes are manifested in the form and proportions of vessels, consisting of clay, surface treatment and ornamentation. Ornamental compositions, which are found on ceramic vessels from Timber-Grave culture burials, demonstrate the extraordinary variability, although their diversity is achieved by combining a small number of relatively simple characters.

Key words: *the Timber-Grave culture, Late Bronze Age, North Azov sea region, burial, ceramic vessels.*

В.О. Забавін

КЕРАМІЧНИЙ ПОСУД В ПОХОВАЛЬНОМУ ОБРЯДІ ПЛЕМЕН ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ ПІВНІЧНОГО ПРИАЗОВ'Я

У статті проаналізовано керамічний корпус зрубної культури Північного Приазов'я. Розглядаються деякі особливості обрядово-інвентарного комплексу і питання культурно-хронологічної періодизації поховальних пам'яток. Основним джерелом для вивчення культури, побуту і господарства племен епохи бронзи є матеріальні залишки, одержувані в ході археологічних досліджень побутових та поховальних пам'яток. Корпус артефактів включає керамічний посуд, вироби з каменю, кістки, кременю, дерева і кольорових металів. Глиняний посуд в рамках конкретних культурно-історичних утворень відрізняється певним консерватизмом і виступає в якості найбільш виразної їх зовнішньої ознаки. Вивчення форм і орнаменталії значного числа зрубних судин дозволяє виявити типологічні ряди, особливості і певні закономірності виготовлення похоронного посуду. Факт переважання рослинної напутньої їжі в зрубних похованнях дозволяє припустити, що землеробство відіграло помітну роль в економічному балансі носіїв зрубної культури. Побічно про це також може свідчити знаходження в одному з приазовських жіночих поховань насіння. Деякі зони місцезонаження керамічних судин щодо тіла померлого можна визнати для поховальної практики носіїв зрубної культури Північного Приазов'я «неординарними». Також слід розглядати знаходження кераміки в цих позиціях в якості ознаки, що побічно вказує на приналежність комплексу до більш ранніх хронологічних горизонтів. В цілому, керамічний посуд зазнавав певних якісних змін в просторі і в часі, які проявлялися у формі і пропорціях судин, складі тесту, обробці поверхні і орнаменталії. Орнаментальні композиції, що зустрічаються на керамічних посудинах з поховань зрубної культури, демонструють надзвичайну варіативність, хоча їх різноманітність і досягається шляхом комбінування невеликого числа відносно простих знаків.

Ключові слова: *Північне Приазов'я, зрубна культура, доба пізньої бронзи, поховання, керамічний посуд.*

РЕЦЕНЗЕНТИ: *Литвиненко Р.О., д.і.н., проф.; Романцов О.В., к.і.н., н.с.*